

ГЛАВА II

ЧРЕВОУГОДЧЕ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Илона
ка-у-е-р
раз-ба
басп-хата

при
коллектор
ребята бра
но духом
альне

Возмездие
небесам
завершить
другого шанса
не будет

А девочка
созрела.
и запуталась

справедлива
?

закончил
лекар
позвонить
8-97

я не хочу
россию
великую

мне нужна
россия
счастливая

клад

"проклятый
мусор"

призываю
неб
орг (милл догв)
депре
принятие

1. Выложить
ротвизи в чист
2. Договориться
о предоставлении

13:00
взять ч
и на ручки
!!

в том по
времени
мы любили
друг друга.

ГЛАВА II

более
глубоко

в лет
клен
листь
сирок
запас

Денис Басацкий

**Подвиг. Повесть в 7-
ми актах. Чревоугодие**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Басацкий Д.

Подвиг. Повесть в 7-ми актах. Чревоугодие / Д. Басацкий —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99830-8

«Я не чувствую собственного тела. Холод стальных прутьев сковывает меня, пленит бесконечными страданиями и истязает моё болезненное сознание. Пожалуй, мне больше никогда не займётся и призрачного шанса, вновь ощутить тот пьянящий вкус свободы. Уж слишком долго нахожусь взаперти, в объятиях осенней ночи, окружённый со всех сторон стаей голодных собак, готовых разорвать меня на части. Псы совершенно не испытывают жалости. Им плевать, отчего лязгают ржавые звенья цепи и за какие грехи я оказался в сырой земле, устеленной ветхой соломой. И пока человек в камуфляжной куртке не вернулся обратно, мне требуется ответить на самый важный вопрос - почему я совершил столь ужасное деяние?». Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99830-8

© Басацкий Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Денис Басацкий

Подвиг. Повесть в 7-ми актах. Чревоугодие

«Во мне нет ничего святого, дабы называться «хорошим человеком». Моё тягостное бремя заключается в попытках дожить остатки своих лет в затворничестве, вдали от суеты мегаполиса и пятничных посиделок под рюмку водки на столе. Но разве я достоин, чтобы надо мной потешались никчёмные людишки?».

Запах собачьей каши. Пожалуй, в жизни нет еще более отвратительного аромата, чем та бурлящая жижа из гречневой крупы, ливера и куриных потрохов – лап, пупков и заветренных сердечек, томившихся в эмалированных ведрах возле печи. Еще с вечера мужчина бережно накрыл кухонную утварь марлей, дабы изба полностью не пропиталась вонью, но все же, тот запах, казалось, уже точно въелся в окружающую действительность. Куриные кавалеры с алыми гребнями и налитыми сережками на подбородках, что не попали в потребительскую корзину на завтрак по чистой случайности, надрывались и будили всякого, кто еще посмел залёживаться в кровати. Горлопанили без всяких стыдливых ощущений. Между тем, настало четыре утра, а значит, нужно постепенно приходить в себя и подниматься, чтобы успеть хоть что-то сделать к первой зорьке. Жизнь в частном секторе протекает не спеша, оттого и утро начинается намного раньше, чем у всякого обладателя квадратных метров в хрущёвских застройках. Но сначала, необходимо разогреть омерзительный собачий провиант.

Мужчина приподнялся с кровати, держась на вытянутой руке за железную рейку изголовья, и, поочередно свесив ноги с пружинной сетки основания, обулся в теплые клетчатые тапки. За ночь дом выстудили первые осенние холода, потому металл хорошенько накалился и больно обжигал кожу, если прислонишься телом дольше, чем на несколько секунд. Но несмотря на очевидные минусы, мужчина не спешил менять своё ложе. Кровать советского образца – времен его армейских будней, когда он находился молодым и только нащупывал себя среди огромного мира возможностей, но вместе с тем, уже имел четкую жизненную позицию. Он всегда прав в любых вопросах и несмотря ни на что. А ежели кто сомневается, то непременно стоит разубедить человека в его великом заблуждении. Надавить, поднажать кое-где, но спуску не дать категорически. Такими вот нехитрыми методами и ударом в челюсть старшему по званию, мужчина навсегда закончил с военной службой, чудом избежав дисбата. И еще более закалил свой негибачый характер. С тех самых давних времен он продолжал любить порядок, жизненную стабильность и ту старую железную кровать, на которой нормальный человек за одну лишь ночь заработает хронический остеохондроз.

Укутавшись в пятнистый бушлат, мужчина тихонько отворил скрипучую дверь и вышел на крыльцо, быстро закрывая ее обратно, пока остатки тепла хозяйского дома окончательно не вырвались наружу. Он любил вдыхать утренний осенний воздух, когда природа все еще обреченно борется с наступлением холодов и так же безоговорочно проигрывает, выдавая относительно теплые часы, разве что к полудню. Практически весь ближайший лес давно скинул с себя яркие зеленые сарафаны, пропитался серостью и как бы даже начал тянуться стволами друг к другу, чтобы всем вместе согреться и переждать наступающую зимнюю хворь. Лишь стройные ряды хвойных, переливающихся оттенками малахита и нефритовых бусин, стояли особняком от всех прочих, но в знак солидарности, грустно покачивали душистыми кронами. Есть в тайге что-то такое, величественное и сильное, с чем совершенно не хочется спорить. Если ты приходишь в лес с добрыми намерениями и открытым сердцем, то и получишь сполна – крышу над головой, тепло дубового костра и мелкую дичь, что сама попадется на ужин. Ну а про тех, кто браконьерит, занимается незаконной вырубкой и оставляет мусор после шашлыков, и говорить не приходится – в случае чрезвычайной опасности точно сгинут и поминай, как

звали. Так по крайней мере свято верил мужчина, почитая силу природы и никогда не желая себе другой участи, нежели доживать свой век в деревянной лачуге, поближе к первозданной чистоте.

Мужчина ступил на огородную дорожку – земля осталась неподвижной и даже не заметила его присутствия, настолько сильно схватилась холодом за ночь, что согласно его личным наблюдениям, означало появление скорых осадков из первого снега. Он прошелся вдоль двух теплиц для овощей, поправил сетку курятника, что постоянно гнется по ветру, и вернулся налево, где располагалась настоящая русская баня. Набирая полные руки сухих дров из поленницы, мужчина складывал их аккуратными штабелями таким образом, чтобы унести за один подход как можно больше. Из нескольких поленьев торчали острые щепки, что впивались в предплечья и царапали грудь, но разве они могли причинить боль настоящему мужчине? Мужик и называется таковым, чтобы терпеть всякие невзгоды, гордо стиснув зубы. Как бы тяжело не приходилось, невозможно подумать, чтобы подлинный мужичок сдался перед обстоятельствами и свернул с намеченного пути. «Иначе никак, не полагается. Каков тогда смысл в кожаных мешках, что болтаются при ходьбе?». Быть может, нежелание возвращаться за новой порцией дров вызвана всего лишь банальной ленью, а не высокими убеждениями, но и она – чертовка, прекрасный двигатель прогресса. Посему, укрывшись дровами с головой и не обращая внимания на подленькие уколы деревяшек, он закрыл калитку в поленницу, медленно шагая обратно к дому по тому же привычному маршруту.

Подойдя к крыльцу, мужчина насухо вытер ноги о тряпку, кое как нащупал холодную ручку двери, и, сдвигая плечом тюль со своего пути, протиснулся внутрь. Сваливая дровишки в кучу на жестяную юбку пола подле печи, он отворил заслонку горнила, дабы закинуть парочку бревен к остывшим углям, успевшим прогореть почти полностью. Мужчина пожурил себя за недалёковидность – с наступлением холодов требовалось больше жара, чем он привык, но зато, полные вязанки заготовленных дров возле бани сушили теплую зиму в комфортных условиях. Далее он ловко закрыл печь на засов, и, ухватившись за железные дужки ведер с собачьей кашей, поставил их на конфорки. По одному, на каждую из четырех. Пока печь напитывалась температурой, находилось еще достаточно времени, чтобы совершить ритуал личной гигиены и подготовиться к тяжелому дню.

Мужчина вновь вышел из дому, направляясь к колодцу, что находился на крошечном пятачке дворового фасада – прямым между забором и тропинкой. Обшитый деревянным срубом с треугольной будкой и цилиндрическим воротом для подъёма ведер, он представлялся воистину волшебным, как из древнерусских сказок и пословиц, что будет поить тебя до нескончаемых лет, лишь относись к нему бережно и не плюй почём зря. Подсвечивая керосиновой лампой, мужчина отворил створки, защищавшие колодец от попадания всякого мусора, и заглянул внутрь – водянистая рябь, прежде всегда отражалась в свете лампы, теперь исчезла и растворилась в колодезном мраке. «Ещё несколько дней и окончательно перемерзнет. Нужно опять договариваться». Мужчина не любил просить о помощи, привыкший справляться собственными силами, но против законов природы не попрёшь. Колодец в зиму заледенеет, а другого источника влаги здесь попросту не было, требовалось ехать на муниципальную колонку в центр. Но так как из транспорта у мужчины имелся лишь зелёный велосипед марки «Минск», то коммуникация с людьми на более прогрессивных и технологичных агрегатах становилась неизбежной.

«Люди и есть настоящее зло, как бы не старались утверждать обратное». Все что в нынешней ситуации происходит с планетой – дело рук мелких, но почему-то возомнивших себя высшим разумом, букашек, что предназначались на земле для созидания. И люди с благодарностью ответили разрушением. Им подарили огонь – они пожгли леса и уголья, подали сельскохозяйственную мотыгу – в безумной радости перекрыли русла рек и разобрали горы, поднесли

оружие – истребили животный мир. А когда ресурсов становилось вовсе мало, решились уничтожать себе подобных в борьбе за исчезающие богатства. И даже кары небесные из засухи, землетрясений, голода и сифилиса были не способны вразумить да остановить то животное влечение к бесчинствам. Потому мужчина не ладил с обществом, сторонился всякого прочего люда и в полной мере презирал каждого, кто встречался на его пути. За редким исключением, конечно. Но в целом – больше тяготился к затворничеству, ни на шаг не подпуская гостей к своему угодию. Да и никто и не преследовал таких целей, как наведываться без спроса к угрюмому мужичку, дабы получить хорошую порцию дробы по туловищу. Пусть себе живет в гармонии, одичалый.

Цепляя ведро за колодезную цепь, мужчина бросил железный сосуд внутрь. Спустя несколько секунд донесся треск – ведро пробило ледяную корку и опустившись вниз, разразилось глухим бултыханием о воду. Ожидая, пока ведро наполнится, мужчина нетерпеливо барабанил пальцами по краешку сруба, а как только цепь выпрямилась, начал крутить гнутую ручку по часовой стрелке, наматывая звенья на ворот и поднимая стьюлюю жидкость наружу. Расплескивая влагу по земле, мужчина пару раз зачерпнул ладонями из ведра – он делал так всегда. Первым испивал из колодца, перед тем как отнести воду в дом. Так он еще больше соединялся с природой, полагая, что все её полезные свойства достаются ему с первым глотком, за совершенные блага вчерашнего дня. Ну и лишний раз желал убедиться, что колодец чист и не стухший от выбросов здешнего завода. Или любопытного людского глаза. Живя вдали от цивилизации, начинаешь быть подозрительным ко всему, что может навредить твоему привычному существованию. Сполна насытившись живительной силой, он бережно закрыл крышку колодца, просунул в ручки затворный кольшечек и двинулся обратно домой, аккуратно перешагивая замерзшие комья грязи, что всякий раз попадались ему под ногами.

В избе заметно потеплело, становилось уютно и как будто снизошло спокойствие, потому мужчина закинул еще штуки четыре средних поленьев в топку и занес ведро с водой в уголок между входной дверью и печкой, где располагалась ванная комната в стиле остросоциального минимума. Круглое настенное зеркальце небольшого размера, полка мыльных принадлежностей, крючок для полотенец, обломки креплений, где раньше восседала раковина и медный рукомойник с палочкой в днище, из которого за ночь вытекала вся вода. И как хозяин дома не старался законопатить щель в основании рукомойника, какими бы резинками и прокладками не пользовался, капля за каплей осушали умывальник полностью, оставляя на полу большую лужу. Видимо, такая специальная советская разработка – доводить людей до состояния бешенства одним лишь утренним умыванием.

Мужчина вновь наполнил «мойдодыра» до краев, повертел непослушную палочку, пытаясь найти то положение, когда не будет подтекать, и бодро принялся умываться, растирая ледяную воду по физиономии. Он тщательно мочил шею, затылок и длинные волосы, чуть касавшиеся плеч, зачесывая волнистые пряди назад. Его парусная густая борода давно «засеребрилась», не в силах более скрывать опыта прожитых лет, на что мужчина всячески стеснялся, выбривая дочиста особо седой участок на подбородке. Получался маленький гладкий островок из юности среди крупной таёжной поросли из волос, ползущих по щекам неопрятными колтунами. Лицо мужчины заметно состарилось за последние пару лет, скукожилось в чернослив и уже не выдавало в нем того статного офицера, что всегда приходил на выручку. Так обычно бывает после долгой скорби и в тщетных попытках бороться с тем, что тебе неподвластно. Организм сначала держится, питается внутренними резервами и как бы заискивает перед трудностями. «Мол, мне все нипочём – я в ваши уста проникал с удовольствием. Отгрузай еще больше передрыг, меня на всех хватит». Но как только теряется надежда – в тот же миг тело слабеет, покрывается шрамами из морщин и чахнет в старости. И в первую очередь тот проигрыш отражается на лице – мужчине около сорока пяти, но выглядит далеко за шесть-

десять. Но не смотря на все беды и невзгоды, он все-таки оставался довольно крепким и плечистым, с ясным взором и большущими руками в мозолях от ежедневных трудовых обязательств.

Мужчина вытер лицо полотенцем – махровая ткань отдавала неприятной прелостью, отчего пришлось срочно поменять его на свежее, а грязное бросить в ящик для стирки. Он не терпел беспорядок, но вместе с тем, давно смирился с хозяйским упадком своего жилища. Много безвозвратно поменялось и те изменения оказались не самыми радужными, чтобы хотелось их всячески вспоминать. Да, вот так живешь большую часть жизни «в полноте», ладишь дела и даже не представляешь, что в какой-то момент твоя стабильность кардинально про*бётся. Жить в России весело, но категорически не безопасно. Более того, мужчина никогда не скупился на труд и никого не предавал, чтобы получить справедливую «обраточку», но так уж вышло. Его карма сыграла и проиграла вдребезги. И поделать тут совершенно нечего. Никогда не узнаешь – где найдешь, а где помогут потерять все нажитое. «Ладно, чего убиваться на пустом месте. Доживем как-нибудь».

В доме еще оставался тот минимальный набор полезных вещей, что могли раскрасить будни обычного человека в период осеннего «депресса». Например, любимый источник информации – радиоприёмник, оставшийся в наследство от отца, когда родители были молодыми, а вся шумная семья собиралась за столом, ломившимся от нескончаемых яств. Ностальгическая скрепа из детства гражданина великой страны. Мужичок отжал серебристый конусок до положения «вкл» и принялся вертеть дисковую крутилку старенького радиоприемника. Аппаратура зашипела, разразилась помехами слабого сигнала, но так и не смогла зацепиться за единственную эфирную волну, что еще транслировалась в диапазоне средних частот. Продолжая настройку, он пошерудил антенну вверх-вниз, залепленную универсальным скотчем, представил приемник со стола на полку – место тотальной силы, где «дрочь-машина» не отказывалась работать, и от души взвесил хлесткого леща по стенке пластикового корпуса. Чудотворная калибровка возымела эффект, и скучный диктор «маяка» ворвался в помещение монотонным рассказом о курсе биржевых индексов. Безусловно важная информация для человека, в чьем доме из бытовой техники остался лишь радиоприемник, работающий в режиме моноканала, оттого и доносившийся из колонки голос звучал еще более удручающе. Особенно на фоне выцветших обоев с прямоугольным пятном идеально нового куска рулона – не тронутого пылью и прочей коррозией, диаметром ровно шестьдесят три дюйма, где ранее висела дорогушная плазменная панель.

Во дворе завывали собаки. Жалостливо, отчаянно и с присущей им тревожностью, прижимаясь голодными животами к соломенному настилу. Они, по обыкновению, задирали задницы вверх и прогибались в туловище, вытягивая передние лапы вперед так, чтобы хорошенько прохрустеть костями и настроиться на трапезу. Поза «собака мордой вниз» от первоисточников, без всяких групповых занятий и раскрытых, как лотосы, чакр. Сколько их не корми, животные вечно мучались в нескончаемых голодных страданиях. Бывало, что «собакены» обглаживали пустые кости до глубоких борозд, что могло быть весьма опасным для неумных желудков, но все хозяйские попытки прибраться в вольерах заканчивались грозной и весьма опасной агрессией. То, что попадало за железные прутья, никогда более не возвращалось обратно. Да и никакой человеческий авторитет и смиренность перед «дары приносящим» не могли совладать с животными инстинктами насытиться любой ценой. Оттого и выли, дабы привлечь всякого и заставить, хоть на пару часов, утолить их обязательную потребность в пище. Так и сейчас, около пяти утра собаки уже бодрствовали, требуя курьерской доставки эмалированных сервизов с вонючей кашей прямо в клетки. «Учуяли запах кормежки. Нужно подготовиться».

Мужчина снял ведра с печки – каша как раз вскипела, разливаясь по округе всеми оттенками ароматного «неликвида». Куриные лапки набухли и полопались, теперь более походившие на зимние рукавички, а месиво из сердечек и пупков источало душистую благовонию

тошноты. Он чуть разбавил кашу водой, чтобы остудить и пока перемешивал липкую консистенцию палкой, его чуть не прополоскало прямо в собачий завтрак. Но сумев вовремя сдержать внутренние противоречия, мужчина выставил емкости на крыльцо. «Этот запах даже отвратительней, чем у печеночного торта, сдобренного плотным туманом из «айкосной» соски». Искренняя любовь к животным толкала мужчину на прохождение мучительной процедуры изо дня в день только лишь для того, дабы выместить наружу всю свою заботу о четвероногих. Сквозь неприязнь, через рез в желудке от нескончаемых позывов к опустошению, он любил собак всем своим скупым на эмоции сердцем и не представлял свою жизнь иначе. По-другому мужчина не имел права поступить, например, бросить их на произвол судьбы, ведь возложив на себя ответственность, необходимо тащить своё бремя до конца, каким бы тягостным оно в итоге не оказалось. Да и неприятные запахи, по большому счету, мелочи, по сравнению с тем, когда на тебя смотрят преданные щенячьи глаза, полные безграничной благодарности. И они готовы на все, выполнить любую твою прихоть, пусть даже самую чудовищную, только прикажи да ослабь шипованный ошейник.

Насколько бы сильным не представлялось то чувство превосходства перед животными, мужчина всегда соблюдал элементарные правила безопасности. В его гардеробе находилась специальная кинологическая экипировка – дутый комбинезон, ракушка для паха и жесткий рукав из смесовой ткани на левую руку, способный защитить от мощных собачьих челюстей. Весь набор он приобрел в те времена, когда его собачий питомник являлся лучшим по Московской области, а нескончаемый поток пожертвований стекал со всей страны, ибо только здесь растились и дрессировались лучшие представители собачьей элиты. Несколько побед подряд на тендерных площадках и вот уже маститые немецкие овчарки поступали из его клеток на государственную службу. Наркоконтроль, ФСБ и патрульно-постовая не обходились без четвероногих сослуживцев, помогавших отыскать и задерживать особо опасных преступников. И хозяин питомника чувствовал себя в безопасности, наращивая объёмы полезных связей. Но те времена давно канули в лету, контракты забылись и обросли ностальгией, порядком набившей жирную оскомину. И теперь лишь потертая униформа являлась напоминанием о былом величии и надевалась в особых случаях, когда мужчина переживал, что привычный процесс мог пойти не по плану.

Облачившись в защитную броню и прихватив с собой собачий завтрак, мужчина вышел во двор, направляясь к забору из колючей проволоки, отделяющий жилую зону от территории питомника. Она находилась на дальней от дома стороне, практически на соседнем участке, напротив богатого коттеджа с коваными решетками и черепицей бордового цвета – единственного каменного строения во всей округе. Владельцы сдавали его в аренду для празднования дней рождений, свадебных торжеств второго дня и под оргии студентов, только-только переваливших учебный экватор. Творилось там всякое, поговаривают, что однажды празднество закончилось поножовщиной с летальным финалом и вызовом полицейских нарядов, но странным образом виновники преступления исчезли, а дело закрылось в связи с отсутствием состава преступления. Так что сие место обзавелось сомнительной репутацией, а местные жители старались тот дом терпимости обходить стороной. Мужчина давно перестал обращать внимание на шумных соседей, часто желавших оставаться инкогнито, как и на коттедж в целом, где собственными руками выкладывал дорожки садовым камнем. Прямо на газоне, сеяным особым сортом калифорнийской травы.

Он подошел к собачьим вольерам. Два ряда клеток с ржавыми прутьями располагались буквой «пэ», заросшие по бокам непроходимым полем из полыни и гигантского борщевика. Трава давно зажелтела, превратилась в жесткую солому и мешала нормальному проходу, но скосить ветхое безобразие у мужчины не доходили руки. Поверх клеток – второй этаж из двенадцати штук маленьких боксов, где в былые времена содержался выводок только родившихся

щенков, еще не окрепших и требующих к себе более тщательного внимания. После того, как малыши открывали глазки и начинали ходить, их спускали на уровень ниже, поближе к родителям, а свободные комнатки занимались новыми постояльцами. Внизу обитали более взрослые особи, разделяясь друг с дружкой относительно своего будущего. Кто-то готовился к службе, выучивая специальные команды, другие впитывали основы сторожевого дела и привыкали к жесткой цепи, третьи и вовсе беззаботно отдыхали, ожидая своих новых хозяев. Вот такой собачий университет, где к каждой особи относились с трепетной любовью и заботой. В нынешние времена верхний ряд вольеров пустовал полностью, а клетки даже не запирались, поскрипывая в такт порывов ветра. Но все же, на нижнем этаже еще оставались питомцы – самые старые и проблемные, кого так и не смогли выбрать.

Их было четверо – тех, кто проживал всю свою жизнь здесь и не ощутил радости свободы, находясь круглые сутки внутри металлического кожуха и изучая внешний мир сквозь решетчатые пролеты вольера. Но вместе с тем, их существование нельзя называть мучительно плохим, ведь еда и крыша над лопухой головой даже не у всякого человека есть, а тут всего в полном избытке. Видимо, так сошлись звезды, что среди прочих других собак, они оказались менее привлекательны и дружелюбны, так и не обретя новых хозяев. Мужчина относился с пониманием к их собачьей судьбе, можно сказать, горю, ведь каждому питомцу уготован свой человеческий друг, а его отсутствие обрекало четвероногих на нескончаемую грусть, неспособную заглушиться даже самыми вкуснейшими благами из копченых свиных ребрышек.

Между вольерами и дворовым пространством находилась территория общего пользования – тоже огороженная решеткой, где «собакены» могли есть, принимать душ из шланга и иногда, ежели все находилось в бодром расположении духа, то и коммуницировать со своими товарищами. Схема работала следующим образом. Мужчина открывал клетку так называемых сеней, чтобы убраться и выставить еду, затем подходил к боксам и наблюдал за поведением каждой особи – разговаривал, как с человеком, дабы удостовериться, что сегодняшний день не вызывает в них приступы неконтролируемой агрессии. И ежели ему казалось, что питомцы спокойны, то хозяин питомника открывал вольеры особым механизмом – крутил рычаг с бобиной, соединенной велосипедной цепью поверх шестеренок с зарешеченными дверцами боксов. Рольставни поднимались наверх и освобождали путь к заветному собачьему корму. Обычно, мужчина успевал открыть клетки наполовину, как собаки шустро проползали под решетками и жадно накидывались на еду. Инстинкты, которые так и не унялись дрессировкой. В такие моменты он предпочитал находиться снаружи, вне того периметра, иначе могли и загрызть заживо.

Пока мужчина открывал вход в общий вольер, питомцы заметно оживились. Канарский дог по кличке «Доги» один из первых заметался в своей клетке, бешено шныряя из стороны в сторону и кидаясь на железные прутья. С его европейским неуравновешенным характером не мог совладать ни один кинолог, часто апеллируя боязнью даже подходить на несколько метров к животному. Его открытая неприязнь подавляла всякого, кто хоть на мгновение уверовал, что способен приручить непокорного зверя. И после нескольких нападений, мужчина бросил затею перевоспитать собаку. Причина столь агрессивного поведения находилась на поверхности – «Доги», по своей сути, брошенка. Его выкинули на улицу прежние хозяева, когда родился их первенец, посчитав, что пёс им больше не нужен. Посему у «Доги» выработалась жуткая обида на людей, в прочем, этим чувством они и породнились с хозяином питомника. Сильный и умный, к тому же, имевший красивый окрас из перламутрово-серой шерсти со светлыми пятнами, дог выбрал для себя роль вожака стаи, к большому недовольству остальных обитателей питомника.

Более маститый и мускулистый «Итальянец» породы «кане-корсо» – прямой потомок бойцовских собак Древнего Рима, испытывал снисходительные чувства к своему младшему брату. Почти в полтора раза превышая размеры дога, он казался мудрее и даже рассудитель-

нее, нечасто доставляя проблем своему хозяину. Мощной шее, торсу и лапам мог позавидовать каждый мальчишка, мечтательно покалывающий тельце «метаном» в прикуску с лакомой гормональной «фармой». Черный, как смольная сажа, пёс сливался с тусклым квадратом клетки, да так, что ночью был практически невидимым. Идеальный боец и защитник. К сожалению, в его генетическом коде заложена единственная проблема, по которой он так и не смог покинуть стены питомника. «Итальянец» сам выбирал себе хозяина, и никакой другой человек не мог претендовать на эту роль. И пёс выбрал хозяина питомника, что заботился о нём, когда его доставили сюда после автомобильной аварии. Он поправился, окреп и стал требовать постоянного внимания от хозяина, не взирая на других обитателей питомника, коим тоже не хватало чуточку ласки. В конце концов, собачья ревность отравила его благородную кровь, он замкнулся и озлобился, что могло привести к серьезной опасности, как для людей, так и для остальных животных. Сегодня «Итальянец» пребывал в спокойствии, вилял хвостом и трепетно обнюхивал руку, старясь сквозь прутья дотянуться до пальцев своим влажным языком.

Мужчина оказался у третьей клетки, откуда доносились сдавленные стоны самой опасной особи в питомнике. Его боялись абсолютно все, кто хоть раз повстречался с ним на безлюдной дороге. Гибрид собаки и волка – волкособ, забрёл в поселок лет семь назад, когда удирал от охотников, желавших пустить его на воротник. Раненый, без левого уха, с выбитым глазом и загнанный под трубы теплотрассы, волк искал спасения у людей, но те по своей глупости или панического страха, не особо ринулись на выручку. Кто-то даже удачно сбегал за огнестрелом, дабы урегулировать конфликтную встречу. И лишь мужчина не побоялся встать к животному спиной, защищая его от человеческой расправы. Но выходить его до полного выздоровления не получилось, уж слишком тяжёлые травмы получил волкособ, удирая от погони. Дробь пробила лёгкое, что сказалось на дыхательных функциях, а сломанные задние лапы еще и хорошенько снизили подвижность, оттого животное практически не выходило в общий периметр, предпочитая находиться наедине личного вольера. К тому же волкособ совершенно не поддавался одомашниванию – раз за разом скалил желтыми клыками, выказывая свой неуравновешенный характер и готовый в любую минуту наброситься. Так что и клички на него не придумалось, обращались к нему по-простому – волчара.

Собаки выглядели чуть возбужденными от нагулявшегося аппетита, но без должной агрессии, чтобы завтракать по отдельности, так что доносившийся аромат каши сулил им скорейшее гастрономическое удовольствие. Мужчина выставил ведра возле клеток, томя их ожиданием и вызывая каскадные водопады слюней, но не торопился открывать решётки. «Пусть еще чуть наслаждаются. Тогда к вечеру точно станут злее». Пока «Доги» и «Итальянец» старались уменьшить размеры своих огромных морд, дабы просочиться сквозь прутья решётки, хозяин питомника двинулся к дальней стороне вольера, где располагалась последняя занятая клетка. Там содержался «новенький» – первый и последний постоялец питомника почти за два года, когда тот официально прекратил свою деятельность. Он был менее агрессивным, чем остальные, хилым и забитым, но в тоже время, категорически способным на подлую атаку в спину, так что любые его порывы сдерживались амбарной цепью, прикованной к тридцати двум килограммам спортивной гири. В довесок, мужчина заранее вооружился «шокером для скота» – электрическим трезубцем из карбона для загона животных в стойла, не давая «новенькому» ни единого шанса на всякие вольности.

По обыкновению, мужчина не спеша двигался вдоль рядов пустых собачьих боксов, проводя шокером по железным прутьям. Один за другим, пролёты отзывались тревожной мелодией власти и покорности, нагоняя на нового постояльца беспокойную судорогу. Когда звуки стали слышны особенно близко к клетке, им привычно ответил ляг звеньев цепи – «новенький» забился в самый дальний угол своего жилища. Подойдя вплотную, мужчина остановился в проходе. Затем развернулся лицом к клетке, потирая пальцами густые усы и заросшие скулы,

играл желваками и вдумчиво рассматривал свои владения. Серость утреннего рассвета обволакивала его большущую спину, грузно свисала с плеч, почти сливаясь с одеждой, как бы вторя особой мрачности происходящему. Хозяину питомника не особо нравилось порождать в себе образ тирана, но и другого исхода в сложившейся ситуации он не находил. Мужчина перепробовал все возможные способы – от кнута и до медового пряника, но так и не сыскал ответной реакции, осознания того паскудного поведения или чувства глубокого раскаяния. Все известные ему методы дрессировки не возымели должного эффекта – «новенький» на довольно короткое время как бы прозрел и больше не нуждался в суровых мерах, но как только получал чуточку больше свободы, вновь становился неуправляемым. Посему ему не разрешалось выходить в общий периметр, он был лишен всяческих похвальных речей и содержался в особой строгости, как настоящий тюремный узник. Только лишь оттого, что самостоятельно добился такого к себе отношения.

Мужчина несколько секунд колебался, прежде чем отворил замок – единственная клетка, что открывалась ключом, а не общим механизмом, податливо распахнула створы. В углу под толстым слоем соломы лежал «новенький», отвернувшись от входа, и тихонько дрожал в такт каждого шороха. Он никогда не смел смотреть на мужчину, предпочитая отвести глаза в сторону, а еще лучше опустить голову вниз, чтобы вовсе не видеть происходящего. Так, наверное, ему казалось, что ничего ужасного с ним не происходит. Миска из-под воды валялась возле решеток перевернутой, а площадка для пищи пустовала больше недели – хозяин питомника сурово наказывал «новенького» за непослушание. Стенки бокса вновь исцарапаны и вымазаны в земле, в левом углу, где располагалась уборная, он умудрился отодрать целый жестяной кусок облицовки, что довольно трудно сделать без помощи специальных инструментов. «Значит, опять бушевал. Ничего его не берет». Мужчина, казалось, даже расстроился, что наказание не подействовало, а все его затеи лишь откладывают довольно очевидный финал. Постоялец никогда не изменится, а неуёмный бунтарский характер не сломать никакими тягостными лишениями. Обидно. Вновь и вновь напарываться на извечные грабли, что валяются в огороде, ржавеют понапрасну и не дают прохода, а выкинуть вовсе не позволяет жалостливая скрупулезность. «Может дать ему последний шанс и подождать еще денёк?».

Не зная чёткого ответа на собственный вопрос, мужчина зашагал к выходу, находясь в крайней печали. Слишком сильно он желал верить, что сможет наладить контакт и обуздать «новенького», но в течение последних двух лет, как постоялец оказался в клетке – сплошные неудачи и разочарования. В идеале, хозяин питомника имел право отпустить его на волю, расписавшись в своей некомпетентности, да вот только внутренние противоречия не позволяли осуществиться столь опасному замыслу. Чрезмерно туго завязаны на «новеньком» обстоятельства прошлых событий и его неожиданного появления в стенах питомника, чтобы расставаться с ним по доброй воле. Либо постоялец прогнётся, либо никогда уже не выйдет за пределы решётчатого квадрата. И по большому счёту, глубоко плевать, сколько понадобится времени на терапию, хозяин питомника давно предрешил его судьбу. Днём меньше, днём больше, совершенно не важно.

У самого выхода клетки, пока запирался врезной замок, мужчина случайно заметил нечто блестящее, что валялось на полу. Нагнувшись с высоты своего большущего роста, он поднял кусок слипшейся грязи, покатав между пальцами, очищая от соломенного настила, и выудил совершенно неприятную находку – смятый шарик из пищевой фольги и обрывков полосатой изоленты. Внутри ничего не оказалось, лишь мелкие кусочки обёртки, что наспех разгрызались зубами. «Мерзавец». Мужчину всего аж покорежило в гневе. Его будто сбило камазной фурой, так что почва под ногами превратилась в зыбучий песок, а все тело стало хлипким и неустойчивым. Он тонул и проваливался в пустоту собственных иллюзий. Если до сего момента хозяин питомника все-таки колебался в принятии судьбоносного решения, то теперь, когда доказательства непокорности «новенького» в руках, другого выбора точно не находилось. И пусть

всю оставшуюся жизнь мужчина проведет во грехе, больше никаких скидок и поблажек он давать не собирается.

– Ты опять за своё, скот. Вернулся к старой жизни? – хозяин питомника наотмашь ударил постояльца кулаком по загривку, прижимая шокер к его спине. Электрический разряд сорвался с кончика трезубца и молниеносно вонзился в тело, на что «новенький» разразился оглушительным воем. Следующий удар током загнал его в самую глубь настила – он зарылся в него полностью, лишь грязная макушка колыхалась от страха и нестерпимой боли. Мужчина решительно выскочил из клетки, направляясь в самое начало вольера, где стояли ведра с едой. Псы радостно завилы хвостиками, ликуя возвращению кормильца, и тут же недоуменно замерли, вытягивая морды и вынюхивая, отчего же их законный завтрак буквально уплывает из лап. Все четыре ведра, ранее предназначенные по одному на каждого постояльца питомника, и заполненные доверху горячей зловонной жижей из «куриных пазлов», теперь оказались в клетке у «новенького». И что-то подсказывало, что ни о какой дружбе между ним и остальными постояльцами питомника не может быть и речи.

– Захотелось покушать, да? Так вот, если не выхлебаешь всё до ночи – будет худо. Я спущу собак и сам должен понимать, что дальше станется.

Мужчина не стал запира́ть клетку «новенького» – прикованный цепью к гире, постоялец вряд ли сунется в общий коридор вольера, покуда не съест ведро полностью, что даже учитывая недельную голодовку, миссия довольно невыполнимая. И никакой «ловкий круз» с безупречными трюками и акробатикой не поможет осилить почти пятьдесят литров пищи. Покидая территорию питомника, мужчина раздосадованно выругался, взывая куда-то к небесам, но еще сильнее ошетинились псы. «Доги» и «Итальянец» не отходили от решёток, прижимаясь к ним всем своим огромным туловищем, и злобно рычали в дальнюю сторону вольера. Их острые звериные клыки обнажились, сточенные о металлические прутья и готовые в любую секунду разорвать конкурента. Того, кто посягнул на единственное благо, заставляющее их быть смиренными и не выказывать охотничьих инстинктов. Но теперь, когда они чувствуют свою добычу, более ничто не способно остановить их в проявлении кровожадной мести. Никто не имеет права трогать их еду. А ежели кто и посмеет, то расплата будет крайне трагичной. Сегодня все мучения обитателей питомника наконец-то закончатся.

Сбрасывая с себя защитную экипировку кинолога, мужчина тщательно вымыл руки перед тем, как направиться в спальню. Обычно в это время просыпалась жена, но сегодня она как-то подозрительно притихла и не звала на помощь любящего мужа. Лида мучилась от болезни Альцгеймера и каждое новое утро ей давалось крайне тяжело. Женщина забывала, кто она есть на самом деле, какой сейчас год, часто кричала от ужаса во сне и наяву, оказываясь в незнакомом месте, и не узнавала того человека, что менял ей простыни после сна. Более того у женщины сильно отекали ноги – пузырились и распухали до размера гофрированных труб, так, что она не могла передвигаться без посторонней помощи, предпочитая большую часть времени лежать в больничной кровати или сидеть за письменным столом. Еще до болезни Лида была довольно цветущей женщиной. Яркой, артистичной и компромиссной, сочетая в себе культуру романтической прозы первой трети девятнадцатого века и откровенной гаражной похабщины, с которой можно поделиться разве что в самой близкой компании. Её рукотворные стихи издавались в колонке поселкового «вестника», а манера писать завитушками, с особым каллиграфичным уклоном, приводили в восторг каждого, посему все поздравительные плакаты и открытки для культ-массовых мероприятий подписывались Лидой собственноручно. Её неуёмная страсть находить прекрасное в самых житейских вещах подкупала, и, пожалуй, не существовало в посёлке и человека, кто не восхищался той прекрасной женщиной. Но как обычно происходит, тяжёлый недуг постепенно выедал её рассудок, обращая в довольно проблемную персону с трясушимися руками, а многочисленные друзья предпочитали скорбеть на

расстоянии, вовсе не появляясь на пороге их доме. За те две осени – между потрясением от страшного диагноза и нынешним утром, в жизни женщины не происходило ровным счетом ничего, что могло назваться событием.

Так и сейчас, Лида сидела на краю кровати, сторбившись в глубоко личной печали, опустив голову и практически не шевелилась. Её белые волнистые кудри свисали сухой виноградной лозой на лоб, шею и плечи, закрывая морщинистую кожу, побелевшую от недостатка солнечного света и прогрессирующей стадии анемии. Мешковатая ночнушка в бежевый горох задралась в талии и чуть надорвалась по шву сбоку от частых ночных пробуждений. На иссохших коленях женщина держала фотоальбом – обтянутый кожаными переплетом с гравировкой и защелкой – язычком, где отразились самые яркие плёночные моменты их семьи. Она не часто вспоминала об альбоме, но, когда все-таки брала памятную вещь, ощущала некое волнительное тепло, согревающее истомлённую душу. Так и не решаясь заглянуть внутрь. Лида не понимала вовсе, что за вещица в её руках и отчего женщину вечно тянет к ней прикоснуться, но произвольная память раз за разом толкала её на поиски личной книги жизни. А когда все же находила, почему-то становилась ещё грустнее, чем раньше.

– Я же просил тебя не искать его больше,пусти, – мужчина попытался аккуратно забрать фотоальбом с колен, но жена сложила на него руки, норовя прижать его к себе. И все-таки, женщина очень слаба, чтобы сопротивляться.

– Он так жалостливо кричал ночью. Звал меня на помощь.

– Брось, тебе приснился очередной кошмар.

– А что, если я во всем виновата?

Лида подняла голову, желая рассмотреть своего мужа. Прежде её яркие, живые карие глаза, сейчас заволокла пелена безумия, отзывавшаяся даже в том, как она странно наблюдает, чуть склонив голову набок. Будто вовсе не замечая собеседника, а вглядываясь в него, как в зеркальное отражение. В такие моменты мужчине становилось не по себе – жутко и горестно одновременно, ведь женщина, прожившая с ним бок о бок двадцать семь лет, страдала в собственном непонимании происходящего. А он, глава семьи и надежная опора, совершенно ничем не может ей помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.